

КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР ПОРОЖДЕНИЯ И ОЦЕНКИ МИРОВЫХ ПРОЕКТОВ

О. С. АНИСИМОВ

Международная академия наук (Здоровье и Экология), Русская секция, Москва, Россия

The Culture of Thinking As a Leading Factor in Generating and Judging of Worldwide Projects

O. S. Anisimov

International Academy of Sciences (Health and Ecology), Russian section Moscow, Russia

В статье обсуждаются вопросы коммуникативного взаимодействия аналитических представителей различных цивилизационных единиц в устремленности на выход из цивилизационного противостояния к гармоническим формам партнерских отношений. Учитываются китайские инициативы и потенциал российской мыслетехники, факторы высшей формы логики в достижении успеха в аналитическом взаимодействии.

Ключевые слова: мышление; культура; культура мышления; цивилизация; критерий; арбитраж; коммуникация; согласование; развитие; логика; семиотика; обобщение.

The article discusses the issues of communicative interaction of different civilizational units' analytical representatives in their aspiration to make civilizations get out of confrontation to the harmonic forms of partnership. Chinese initiatives and the potential of Russian thinking techniques, the factors of the highest form of logic in achieving success in analytical interaction are taken into account.

Keywords: thinking; culture; culture of thinking; civilization; criterion; arbitration; communication; coordination; development; logic; semiotics; generalization.

Сближение и партнерство в глобальном мире

Лидер Коммунистической партии Китая и страны предложил странам Большой Евразии новый вариант «Шелкового пути», направленный на использование торгового механизма для налаживания цивилизационного партнерства Азии и Европы, привлекая фундаментальные ценности цивилизационного бытия, потенциал культуры, имеющий свои древние корни. Разъясняя фундаментальные намерения, лидер Китая Си Цзиньпин подчеркивал общечеловеческую потребность в мирном развитии, соблюдении корректности в международных отношениях, уважение суверенности стран, благоприятность взаимной полезности в обмене движениями во всех сферах деятельности, включая и идеологию, и культуру, и науку, и образование, и экономику, и управление и т. п. [11, 14].

Для успеха в цивилизационном сближении, установлении и укреплении партнерства необходимо глобальное мышление, глобальная оценка состояния междивилизационных отношений, их динамики в прошлом, настоящем и возможном будущем. Необходимо иметь осознанные, неслучайно вводимые ожидания и намере-

ния, опору на продуманные и обоснованные идеалы, касающиеся не только отдельных и ведущих стран, а всех участников цивилизационного процесса, совместные взаимоприемлемые усилия в направленности на изменения к лучшему. Предстоит привлечь в процесс сближения и координацию усилий всего лучшего, что накопилось в мировой цивилизации, наиболее перспективные образцы цивилизационного бытия, цивилизационного знания и аналитики, использование перспективных форм взаимопроникновения и учета всех сторон опыта, как положительного, так и отрицательного для дальнейшего обогащения ресурса факторного влияния. В качестве одного из базисных принципов предполагается единство блага традиции и современности, разнообразия традиций без проявления неоправданного доминирования и в рамках сверхценности «истинности». Необходимо глубоко раскрывать и учитывать особенности процесса глобализации, его позитивные, перспективные и негативные черты, проявления насилия и компромиссов, организации глобальных отношений, явлений лидерства в отношениях, в том числе в масштабах региональных союзов, федеративных координаций и т. п.

Сложность устройства современных обществ, механизма стран как цивилизационных единиц или их

частей, предварительность знаний, ее сущностной основы, фрагментарность содержаний исторических реконструкций в рамках цивилизационного подхода, разрозненность сущностных и ценностных оснований различных типов цивилизаций, содержания древних и современных Устоев как цивилизационных опор и т.п. крайне затрудняют как получение динамических картин цивилизационного процесса, так и переход к прогнозированию будущего и проектированию будущего в стратегически значимых масштабах. Общий для глобального анализа интерес, прежде всего, имеющих статус «ведущих стран» и обладающих большим потенциалом собственного развития и влияния на другие страны, потенциалом аналитики и научного познания, предусматривает интеграцию аналитических возможностей для порождения «мировых проектов», учитывая имеющиеся результаты в этих направлениях в обособленных разработках [7, 8, 10, 11]. В конкретном случае Китай открывается для аналитического взаимодействия и сотрудничества. Со своей стороны, особой методологической «команды» ММПК (Московского методолого-педагогического кружка), интегрированного в сообщество «Аналитика» и реализующего стратегическую установку на методологическое обеспечение роста качества аналитики, предполагается понятийно-критериальный потенциал и технологическое его выражение для придания разработкам, как внутренним, так и в партнерстве с аналитическими группами иных стран, приверженцев идеи цивилизационного партнерства [4].

Культура мышления и цивилизационное партнерство

Одной из типовых процедур в аналитике и консультировании является оценка «образца», действий, отношений, мышления, нормативных и иных материалов. Эту процедуру чаще называют «экспертизой». Для того, чтобы оценить образец, оценивающий должен сначала «понять» предлагаемый материал, прежде всего в тексте выраженное представление об образце, следовательно, результат отражения специфических особенностей образца. Для образцов деятельности, мышления, социокультурных отношений отражение осуществляется в рамках использования рефлексивного механизма и построения рефлексивного текста либо самим демонстрирующим образец, либо вводящим во внешнюю рефлексивную позицию. Поэтому порождается рефлексивная коммуникация, в которой «автор» сообщает сведения о действиях и оценивающий осуществляет понимание, реконструирует содержание выступления автора, строит в своем сознании образ образца, готовясь к выработке отношения к образцу [3, 14, 15].

Переход к отношению, в положительной или отрицательной направленности, сначала осуществляется как соотнесение образа, результата понимания, с интегральным, субъективным, досознательным, интуитивным проявлением «Я» оценщика, подобным чувственному

реагированию на внешние воздействия. Такое реагирование возникает «внутри» «Я», зависимое от способностей «Я», его типовых атрибутов, его свойств «в-себе» существования как субъективной целостности. Внутреннее реагирование сводится к актуализации одного из возможных состояний «Я» и оно обладает соответствующей содержательной определенностью, представленной как «интуитивный образ». Он и является «партнером» в содержательном соотнесении с образом образца. Поскольку оценивающий в соотнесении рассматривает «свой образ» в качестве средства оценки и придает ему статус «эталона», то совпадающее в содержании образца трактуется как «положительное» («правильное», «адекватное», «значимое»), а несовпадающее — как «отрицательное» («неправильное», «неадекватное», «незначимое»). Поэтому предопределяется и перспектива принятия, использования, поддержки образца, его заимствования, разделения на то, что сохраняется для возможного использования и что отстраняется от заимствования, а также перспектива внесения коррекции в образец, совершенствований и развития сохраненных содержаний.

Стимулирующим совершенствование содержания условием выступает активность критика, а также понимающего при проверке правильности понятного в рамках одного и того же языка. В содержании сообщения увеличивается доля значений и уменьшается доля смыслов, а значения обладают конструктивной определенностью различной степени. В профессиональных языках семантическая парадигма, например, «словарь», обладание высокой содержательной конструктивностью и определенностью является базисной требовательностью. Владеющий парадигмой неизбежно минимизирует вклады индивидуального смыслового выражения. В научной коммуникации, опирающейся и на результаты теоретических разработок, степень определенности еще более повышается, что ведет к дополнительным требованиям к использующему теоретическую парадигму. Именно теоретическая позиция в коммуникации с привлечением теоретика, наряду с привлечением эмпирика, оформляет взаимодействие между ними как «мышление», включающее совмещение сторон — «естественной» (смысловые материалы) и «искусственной» (мыслительные средства квалификации, оценки материала мысли). Конструкты, как дифференциальные (понятия), так и интегральные (теории), становятся оценивающими содержание материала. При этом прототипом позиции теоретика, обобщающего эмпирический материал, является арбитр в дискуссии. Порождая и применяя свои конструкты как критерии оценки мнений, он обобщает содержание, учитывая мнения, создает содержание более высокого уровня абстрактности, «углубляет» содержательность, понимание которого требует не созерцательной практики, а особого видения, ведущего к сознанию «сущности».

Обобщение, индуктивное движение к высшим абстракциям продолжается в философии, в переходе от принципа «объектности» к принципу «онтологичности».

На этом уровне обобщения приходят к тому, что Платон называл «идеями», миром идей и их первооснованию — «идее идей». По своему содержанию они преодолевают разделенность теоретической абстракции, охватывающей «все» имеющиеся дифференциальные абстракции и возможные в дальнейшем, будущих конкретных философ. Такие мировоззренческие конструкции становятся высшими основаниями в понимании мироустройства. Они требуют своей конкретизации для «возвращения» к уровню теоретических, научных абстракций и требование к конкретизации выражено в процедуре «дедукции». Намеченная форма конкретизации Платоном и затем Аристотелем получила выражение лишь у Гегеля, в его «абсолютном методе». Метод требует поэтапное раскрытие того, что дано как исходное основание («клеточка»), в котором потенциально вложено все будущее раскрытие, в развертывании потенциального в ходе «актуализации», следовательно, сохраняя потенциальное, внося динамическое соотношение потенциального и актуального, как и в любом процессе «развития» [1, 2, 6]. Поскольку потенциальное уже устранило в завершении индуктивного движения, конструирования все случайное, то в дедукции демонстрируется «лишь неслучайное». Основу неслучайности, по содержанию, составляет «диалектика». Она показывается на всех уровнях и имеет свое динамическое выражение в актуализации как «вертикальной диалектике», в отличие от «горизонтальной диалектики». Полнота диалектики определяется гармонизацией горизонтальной и вертикальной сторон единой диалектики. Единство динамически представлена в «циклике».

Конструкты различного уровня абстрактности требуют неслучайного понимания по своему содержанию и своей графической и иной знаково-символической форме. Вхождение в неслучайные формы рефлексивности требует критериальной базы, которая разрабатывается в методологии. Тем самым, если рост качества мыслительной квалификации и оценки любого опыта, любых знаний, проектов, проблемных полей и прогнозов, как индивидуализированных в выражении, так и коллективных, зависит от уровня развитости субъективных способностей, а способности соотношены с применяемыми средствами и методами мышления в отдельных позициях и в кооперативных системах, то рост притязаний и ответственности за оценочные результаты и процедуры каузально связан с овладением всего потенциала культуры мышления. Общее совмещение и соорганизация опирается на потенциал методологии, вносящей неслучайность, определенность в форму мыслительных процессов в оценивании.

Методологическая экспертиза проектов

Методологическая экспертиза специфична реализацией оценочных процедур в наиболее сложных сюжетах интеллектуальной практики, требующих максимальной организованности совместных, разнообразных процедур, неслучайности, высшей результативности,

продуктивности и эффективности. Такова практика стратегической аналитики и стратегического управления в целом. Это тем более значимо при создании и реализации проектов цивилизационного типа, в частности глобальных, «мировых проектов». В методологической экспертизе притязания на неслучайность оценки образцов, перспективных поправок в пользу усиления существенности содержания образцов, а также в сторону использования образцов для их переконструирования в модели, теории, стратегии, парадигмы максимальны. При подготовке методологов процедура экспертизы может быть осуществлена в любом месте и в любых ситуациях при минимальном хозяйственном обеспечении, но может принять «индустриальные» формы в специфических центрах с множественностью сервисных обеспечений, с совмещением интересов всех иных аналитических функций, всей полнотой рефлексивного пространства организации, региона, страны, мирового сообщества.

В процедурах экспертизы, особенно при коллективном осуществлении интеллектуальной деятельности авторами версии ответа на какой-либо значимый вопрос или в реагировании на ситуацию в управлении, в аналитике, в научных исследованиях, в стратегическом проектировании и управлении эксперт имеет результат внутренних согласований компонентов материала автора или авторов. Он должен дать оценку «целому», выхода за пределы констатации многообразия «частей», фрагментов, появившихся в ходе выработки точек зрения на что-либо, имеющее значимость для принятия решений.

Однако приход к принципу «объектности» предполагает преодоление принципа «процессуальности», доступного на базе опыта созерцания, непосредственного уподобления воздействиям извне в их динамике. Свою роль играют те внутренние факторы, которые реализуют функцию оформления, «структурирования», следовательно, и внесения устойчивости объединения оформляемых частей, внесение целостности. Как это обсуждал Кант, способности живого организма, тем более на уровне человека, предполагают как уподобление в познавательном отношении к реальности, так и организацию материала уподобления. Само конструирование должно подчиниться уподоблению иного рода, чем простое процессуально уподобление. Уподобиться следует именно самому объекту, чем и преодолевается случайность и «бессодержательность», «формалистичность», «нереалистичность» конструирования. Гегель поэтому различал конструирование «для-себя» и «для-иного», как самовыражение в нем и как познавательное самовыражение.

В коммуникации само понимание проходит те же этапы. Создается версия того, что предложил автор, которую необходимо проверить, задавая вопросы на допонимание. Понимающий предстает как конструктор и текста, вторичного для авторского, так и содержания текста. Придание материалу организованности, структурности ведет к увеличению ясности в отношении версии автора, но ясности по меркам понимающе-

го, самого конструктора. Следует еще приблизить конструкцию к тому, с чем бы согласился автор. В рамках коммуникации структурирование зависит от свойств языка, его семантической и грамматической парадигмы, опирающейся на обобщение опыта познания, введения стандартов в слоях средств, знаково-символического корпуса, и в слое семантики, стандартов содержательного типа. В них уже заложена реализация принципа «объектности», но в общем виде, что предполагает операции конкретизации.

Само совершенство словарей, где предельно представлены результаты организации материала познания и опыта коммуникативного взаимодействия, зависит от степени нейтрализации ограниченности принципа «процессуального» видения мира. В словаре основной семантического совершенства выступает созидание неслучайной картины объектного бытия, мировоззрения, создание иерархии объектного видения, на вершине которой порождается отология, сущностная версия бытия в целом. Она создается в реализации философской функции в познании, нейтрализуя ограниченность научно-предметных, теоретических конструкций. Такое абстрактное конструирование отделяет содержание мысли от результатов созерцания, вводит «невидимое» содержание, которое и трактуется как «сущностное», «глубокое». Потребитель таких конструкций должен приобрести способность к владению этими содержательными конструкциями как владельцу «сущностями», о чем говорил еще Платон, предлагая учение об «идеях», а также и его предшественники, онтологи, начиная от Фалеса.

Тем самым в коммуникации структурирование смыслов, создаваемых понимающим, а затем критиком, корректируется применением языковых парадигм, семантических стандартов, конструкторов объектного типа, вносящих момент собственно «целостности» того, что познается. Появляется образ причины процессов, источника смены состояний «одного и того же». В немецкой классической философии подробно обсуждался этот механизм в познании и выделялась роль познающего, вносящего через свое «Я» основание всех проявлений объекта в объектном конструировании. Сама способность познающего строить объектные конструкции связана с порождением основания субъективных возможностей в рамках потребности в конструировании целостностей. Путь обретения таких способностей показал Гегель, продолжая и уточняя мысль Канта, Фихте, завершая ответ на вопрос о приходе к способности познания «истины», вводя свою версию о становлении высшего уровня развития «духа», «абсолютного духа». Но на высшем уровне конструирования результатом становятся уже не объектные единицы, а метаобъектные и их конечный тип — онтология, отражающая универсум, его «вечные законы».

Прототипом конфигуративных процедур выступает естественное структурирование на простейшем уровне познания, а затем структурное и системное сов-

мещение механизма языка. Особую роль в коммуникации играет организатор коммуникативного взаимодействия. Он вводит автора, понимающего и критика в кооперативное целое, порождая эффект «цикла», в котором есть начальная версия и переход к «более современной», после совмещения позиционных действий организатор может переходить к реализации управленческой установки на совершенствование и содержание версий, и способов коммуникативных действий в кооперации. Следствием такого перехода выступает появление «игротехнической» позиции в игромоделировании. Игротехник направляет усилия группы на выработку ими версий резюме, на обретение опыта выступать от имени группы на пленарном взаимодействии, что возможно лишь решая конфигуративные задачи и проблемы. Такие задачи возникают и во взаимодействии игротехников, в их игротехнической рефлексии при разработке решений, касающихся последующей фазы игропроцесса в едином игроцикле. При взаимодействии игротехников, как руководителей групп, возникают все сюжеты в рамках рядоположенности мнений, их случайного взаимоучета в структурировании, перехода к неслучайному структурированию и затем к системному сопряжению.

Организацией взаимодействия в игротехнической рефлексии занимается метаигротехник, руководитель игры, игромодельного процесса. Он и осуществляет конфигуративное действие в целях придания рефлексии и ее содержательности «целостного», единого для всех характера с внесением вкладов каждым типовым участником как «части в целом».

Как мы видим, типовые действия и циклы действий в функции конфигурирования возникают на всех уровнях сложности интеллектуальной практики. Чаще это трактуется как следование системному подходу в тех кооперативных позициях, где требуется целостность либо содержаний, либо совместных действий. Если напомнить о больших проектах типа «атомный», «ракетный», а также «красный проект», проект создания СССР как современной могучей Державы, то очевидным выступает решающая роль соорганизации, системного сопряжения усилий представителей различных типов деятельности, сфер деятельности, различных научных предметов и научных школ, различных базисных парадигм в дискутировании. Организационно-процессуальные и кооперативно-позиционные технологии стали условием успеха макропроектов, стратегического успеха. Однако в их реализации и оценке перспективности возникли моменты проблематизации, понимания принципиальной недостаточности их потенциала. Причина этих выводов раскрывалась на базе иной технологической ориентации.

Несмотря на уроки немецкой классической философии, от Канта до Гегеля, которая выделила особую значимость внимания не на процесс и даже форму процесса при изучении любого явления, а на механизм, его «в-себе» бытие, на его «способности», потенциальность.

Чтобы обратить внимание на эти основания, следует сначала реконструировать видимое, проявления, основанное, ситуационное, случайное и лишь затем приступить к конструированию версий причин и, прежде всего, версий механизмов, «устроенности» анализируемого объекта, который, опираясь на свое «в-себе», проявляется в бытии «для-иного», «для-себя», а при развитии или деградации — «для-в-себе» бытия. Конструирование лишь начинается с реализации организационно-мыслительной функции структурирования и продолжается в реализации функции системного сопряжения. Все это выявляется на базе рефлексивного сопровождения действий и углубляется в рефлексивной коммуникации благодаря позиции организатора коммуникативного взаимодействия, внося момент конфигурирования. Неслучайность конфигурирования в коммуникации обеспечивается, в свою очередь, не столько новым слоем рефлексии, сколько введением позиции арбитра. Арбитр конструирует абстракции как средства оценки версий, уподобляясь позиции теоретика в науке. Именно арбитражная работа в коммуникации придает определенность процессу и результату мышления коммуникантов, стимулирует обоснованность, доказательность воззрений, вносит неслучайное, основание предлагаемых содержаний, обеспечивает качество мыслительным результатам и процессам, ведет к появлению единого основания.

Московский методолого-педагогический кружок: служение разумному мышлению

Несмотря на достаточную очевидность такой трансформации первичных форм мыслекоммуникации, она оставалась в тени до выделенности позиции организатора, ее рефлексии, выявляющей особую значимость конфигурирования. Такая выявленность и придание рефлексии коммуникации и кооперативных систем, их процессуального проявления выделилась в методологии, появившейся в середине 50-х гг. XX века в России. Обращение внимания на рефлексию дополнилось осознанием роли критериальных средств в оценках рефлексивных и базисных процессов, ставшими основой языкового потенциала методологии (Московского методологического кружка — ММК, под руководством Г. П. Щедровицкого). Переход к проведению организационно-деятельностных игр в 1979 г. обозначил рубеж между кооперативно-мыслительными взаимодействиями в методологических семинарах с ростом рефлексивного сопровождения и кооперативными взаимодействиями между разнотипными участниками рефлексивного анализа проблем управления в системах и сферах деятельности.

Роль конфигурирования в игромоделировании возростала непрерывно. Этим практика больших проектов 40–50-х гг. дополнилась критериально обеспеченной рефлексией, следовательно, и обращенностью к

роли субъективного потенциала в совместных действиях в мышлении, роли критериальных парадигм. Наметилась тенденция более явного использования стандартов культуры мышления, логики и онтологистики, наряду с другими составляющими механизма культуры.

Внутри слоя логической самоорганизации выделились аспекты «рассудочных» и «разумных» форм организации мысли. Представители принципа рассудочности вносили значимость рефлексивной относительности конструкций, выражая этим тезис Гегеля о том, что рассудок разделяет целое, тем самым, синтезирование остается структурным. Акцентировка на разумности, следование философско-логической базе Гегеля в Московском методолого-педагогическом кружке (ММПК) с 1978 г. вело к тому, что рассудочное синтезирование и относительность целостностей является лишь этапом к иной форме синтеза, «разумной», выраженной Гегелем в «абсолютном методе». Он опирается на диалектическую дедукцию и переходимость содержания мысли от целостности к целостности, высшей абстрактности содержания целого к более конкретной. Поэтому выделена роль высших, собственно онтологических абстракций, «клеточек», проходящих в актуализации путь «развития». Для обеспечения методологической работы, в том числе в игромоделировании, создавались измененные, «разумные» парадигмы средств, критериев рефлексивной коммуникации, а также и научно-предметных парадигм. Это позволяло создавать иерархию парадигм в методологическом мыслительном пространстве.

В связи с унификацией онтологического арсенала, появлением базисных схем мировоззренческой значимости («метафизическая семерка», «нечто», «метафизический ромб») и введением базисных средств цивилизационного подхода (2006–2007 гг.) возникла типовая иерархия онтологий, позволяющая придать явную онтологичность объектным схемам, отражающим устройство общества. Появилась и базисная схема для анализа стран, типов стран («страна»), развертывание содержания которой обеспечивало целостное, конфигуративное отношение к материалу описаний и обычных версий стран, к материалу исторической динамики. Рефлексия применения средств цивилизационного анализа, в том числе схемы «страна», привели к утверждению об отсутствии глубинного слоя исторических реконструкций, отсутствия профессионально значимых исторических версий, так как профессионализация неотделима от соответствующих предмету парадигм, а для истории адекватна лишь цивилизационная парадигма. Цивилизационные версии последнего времени, ставшие популярными, обладают рассудочной технологией в конфигурировании, не вносят объектно-онтологической основы.

Тем самым в рамках разработок ММПК возникла целостная парадигма средств обеспечения конфигуративных процедур. Путь к конфигуративному воздействию на фундаментальные попытки проектирования, а затем и осуществления макропроектов был открыт [3, 7]. С 2014 г. были разработаны словари для аналитиков, вто-

рая часть которого была посвящена цивилизационной тематике и вышла в 2017 г. Параллельно шли разработки образа России будущего и стратегического проекта на ближайшие годы и на весь XXI век. В конце 2017 г. акцент был смещен на Евразию и на мировой проект, в который должна быть вписана Россия. При анализе ситуации в Евразии группой членов ММПК в Алма-Ате, под руководством О.С. Анисимова, была проанализирована версия Китая по «Новому шелковому пути» как направленность на цивилизационное партнерство между Востоком и Западом. Учитывая сложное совмещение прагматических (например, торговых и иных экономических) и цивилизационных целей актуальным становилось совмещение аналитических сил партнеров, призванных к обеспечению новыми, более эффективными способами взаимодействия цивилизационных партнеров. Анализ мыслетехнических возможностей обычных форм, сложившихся в стране, в других странах, по имеющимся сведениям и наблюдениям, а также по характеру содержания тех парадигм, которые были в прошлом, включая рассуждения древних греков, индийцев, египтян, китайцев, шумер, учитывая принципы, обсужденные в немецкой классической философии, ряд установок в постгегелевский период, особенно опыт ММК, привел к выводу о том, что адекватной устремлениям Китая, положением Си Цзиньпина, нет. Было введено утверждение о том, что мыслетехника участников «Шелкового пути» должна быть различной относительно встреч с различными цивилизационными партнерами. Если типологизировать их по критерию диалектики, то «положительными» можно считать тех, кто внутренне склонен или готов к реализации идеи партнерства, кто «удобен» для согласования. Но для «отрицательных» партнеров такая мыслетехника в согласованиях неэффективна, для тех, кто не готов, кто не склонен к равным формам отношений, кто склонен к гегемонизму или иным типам противопоставительности. Тем самым, если прогнозировать всю типологию встреч и согласовательных сюжетов, то в острых случаях понадобится более сложные формы отношений и мыслетехнического обеспечения.

Мировая практика отношений и коммуникации представителей различных стран, их интересов, различных парадигм в рамках различающихся культур и культурно-духовных кодов показывают образцы соответствующих отношений, их динамики, возникающих тупиков, драматизма повторности встреч, нередко бесперспективных. Поскольку перед циклом обсуждений в Алма-Ате нами была осуществлена поездка в Грецию, в которой обсуждались особенности онтологии и логического учения Аристотеля, а ранее, в 2015 г. уже в Италии, обсуждались особенности доаристотелевского мышления древних греков, в 2013 г. в Германии — особенности немецкой классической философии и логической мысли, то суммируя выводы и учитывая результаты реконструкции «книги перемен» (И-цзинь-чжоу-И) в 2005–2006 гг., «Артхашастры» и др. мы

пришли к утверждению об отсутствии того типа мыслетехники, который адекватен встрече с неудобным, «противопоставительным» партнером. Это в общем виде чувствовал в своих рассуждениях и лидер Китая, предполагая неизбежные трудности в ходе встреч на «Шелковом пути», демонстрируя открытость к совместной сопровождающей путь аналитике. Позднее, имея возможность ознакомиться со сборником статей с участием лидера и рекомендацией пути от Дэн Сяопина до Си Цзиньпина в нескольких книгах, мы подтвердили свою гипотезу. В то же время, в рамках ММПК на протяжении многих лет мы создавали усложненную мыслетехнику с моментами схематехники, логических форм и онтологических стереотипов движения мысли, переходы от принципа «дополнительности», присущего формальной логике и рассудочной базе в мышлении к принципу «систематического уточнения», присущего диалектической логике и разумной базе в мышлении. В период 2000–2010 гг. прямой тип технологического оформления «метода Гегеля» был дополнен технологической формой дедуктивного портретирования больших систем и она была опробована в анализе ряда сюжетов большой истории, в стратегических поворотах цивилизационных единиц. Тем самым сложилась уверенность, что потенциал такой мыслетехники имеет огромную перспективу. Поэтому появилась потенциальная возможность применения в самых сложных сюжетах цивилизационной аналитики, в том числе в условиях аналитического партнерства.

Поскольку в 2016 г. мы стали вводить свою версию пути России в ближайший период и выражать свои соображения в особой форме («Альбом»), то при переходе к долговременности пути в XXI в. в целом и при учете в 2017 г. евразийского сюжета проблемного поля мы стали исходить из перспективы применения мыслетехнического потенциала для решения проблем разработки технологических стереотипов встреч с «неудобными» партнерами [6]. В конце 2017 г. акцент сместился в сторону создания предпосылок для «мирового проектирования» и учета большой цивилизационной истории (от времен создания г. Асгард 106,8 тысяч лет назад в районе современного г. Омска). Историческая реконструкция, выраженная в «Альбоме-4», позволила выделить ряд мировых проектов, в том числе и проект Китая, начать сопоставительный анализ проектов. В конце января и начале февраля 2018 г. был проведен игромодельный цикл по теме «Мировой проект». В нем рассматривались диалектически противоположные «англо-саксонский», «китайский», «красный» (советский) проекты и переход к проекту России как конфигуративному по своей функции. Тем более что переход к конфигуративной установке был осуществлен и Китаем в рамках XIX съезда КПК в ноябре 2017.

Тем самым злободневность потребности в такой мыслетехнике, которая соответствует зову времени в глобальной цивилизационной динамике, необходимости порождения путей преодоления глобальной наприя-

женности, в том числе в евразийском регионе, противопоставительности Запада и Востока, Севера и Юга преопределяет усилия аналитических сообществ в слое не только рефлексии мировых сюжетов в целом, но и в той части рефлексивного пространства, где качество аналитики зависит именно от качества мыслетехники.

Наш опыт разработок привел к выводу о решающей роли мыслетехники диалектико-дедуктивного типа. Она позволяет гарантировать успешность, эффективность в постановке и решении проблем в сюжетах анали-

тического обеспечения цивилизационного партнерства и гармонизации отношений между всеми участниками глобального взаимодействия при наличии осознания объективной необходимости совмещенного бытия, при осуществлении усилий в созидании партнерского самоопределения и самоорганизации, в том числе при выделении организационной позиции относительно партнерского взаимодействия. В этих условиях особую роль играет именно методологическая экспертная деятельность и осуществление конфигуративной мыследеятельности.

Литература

1. Анисимов О. С. Методологическая культура и принятие решений. М., 2003
2. Анисимов О. С. Принятие решения в управленческих иерархиях. М., 2004
3. Анисимов О. С. Цивилизация и ее механизмы: становление и разрушение. В 2-х т. М., 2007
4. Анисимов О. С. Основы метааналитики. В 2-х т. М., 2007
5. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. Вып. 41. Высшая мыслетехника в цивилизационной аналитике. М., 2016
6. Анисимов О. С. Стратегический проект цивилизационного обновления и развития России: Россия в XXI веке (версия СЭВ и ММПК). М., 2017
7. Дай Муцай. В чем секрет успеха Китая по пути социализма? 2016
8. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. Курс лекций. М., 2003
9. Лось В. А., Урсул А. Д., Демидов Ф. Д. Глобализация и переход к устойчивому развитию. М., 2008
10. Панарин А. С. Испытание глобализмом. М., 2002
11. Си Цзиньтин. О государственном управлении. 2016
12. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2008
13. Цивилизация. Восхождение и слом. М., 2003
14. Шаталов М. П. Основы культурной политики Китая. Стратегические приоритеты. №4, 2014
15. Яковенко И. Г. Циклы развертывания цивилизации и цикличность всемирной истории//Цивилизация. Восхождение и слом. М., 2003

Материалы статьи представлены на заседании Международного научного круглого стола «Экологическая безопасность и цифровое образовательное пространство», проведенного 29 мая 2019 г. в рамках работы Международного научно-практического форума «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения» на базе географо-экологического факультета МГОУ при поддержке Академии МНЭПУ и Международной академии наук (Здоровье и Экология).

Сведения об авторе:

Анисимов Олег Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной академии наук (Здоровье и экология), Русская секция.
E-mail: humani12@mail.ru